

Л. Г. Ткачев

МУЖСКИЕ ЗАБАВЫ ВМЕСТЕ С ГАРИЕМ ЕФИМОВЫМ

Знал я Гария с 1963 г., когда появился в Дубне как прикомандированный к ЛТФ аспирант. Однако вскоре оказался я в ЛЯП и до 1974 г. потерял его из виду, пока не оказались с ним в горно-туристском походе на Памиро-Алай 5-й категории сложности — в горной пятерке. Для меня это был уже второй такой поход, для Гарика — первый. Так случилось, что руководитель похода, Коля Фролов, поставил нас в одну связку, а это хороший способ прочувствовать друг друга в непростых условиях. Запомнился один из первых подъемов на крутой скальный перевальный взлет. Получасом раньше на перевал ушла еще какая-то группа, из-под ног которой на нас с жужжанием летели сверху камни, иногда разбиваясь о скальные выступы. Один осколок попал в карман рюкзака и пробил в нем консервную банку из-под сгущенки.

С тех пор почти каждое лето мы участвовали или организовывали сами горные походы. Гарик был отличный горнолыжник, инструктор по горным лыжам. Естественно, и я в свои 35 встал на горные лыжи, поэтому к летним походам добавились зимние — большой компанией с детьми весной ездили на станцию «Мир» (3500 м) на Эльбрусе, где были 2–3 большие комнаты, чтобы разместиться по 10–15 человек, а в зимние каникулы — на Карпаты. Чем бы Гарик ни занимался, всегда он производил впечатление спокойного уверенного человека, знающего свое дело.

Случалось, что не складывалось организовать поход в горы и мы сложенной в горах группой отправлялись в Архангельскую область восстанавливать разваливающуюся церковь. Альпинистский опыт и тут пригодился, когда с Гариком заделывали брешь в куполе церкви, пробитой падающим крестом, который сдернули комсомольцы-добровольцы много лет назад. Тогда поразил наше воображение могучий восьмерик фундамента церкви, сооруженный из бревен лиственницы нашими предками. В заброшенных помещениях церкви мы нашли фрагменты тонкой резьбы по дереву, которая украшала иконостас, — сейчас один из них висит у меня дома на стене.

Выросли дети, у них свои компании и свои интересные забавы. И мы отправляемся в байдарочный поход на верховья Волжские озера

и к истоку Волги. Потом ходили в байдарочные походы с внуками по реке Пудице, по реке Дубне, по Московскому морю.

Не помню, с чего началось, но несколько раз мы ездили с Гариком в Белый Городок к художнику Владимиру Маслову, с которым выпивали и закусывали, а также говорили за жизнь и который подарил нам несколько своих работ.

Памиро-Алай, 1974 г. Группой из восьми здоровых мужиков во главе с Н. С. Фроловым отправляемся на 3 недели ходить по горам. Стартуем из села Ворух, выше поселков нет. Нашли автомашину ГАЗ-66, погрузились с рюкзаками и двинулись дальше, вперед и вверх, пока есть дорога. На высоте примерно 3000 м пришлось выгружаться, дальше дорога есть, но старый мотор не тянет. Обнаружили, что рюкзаков 8, а людей 7 — одного впопыхах забыли в Ворухе.

Выдвигаемся. Первые дни похода самые тяжелые: температура под 30, рюкзаки — за 30, высота и не хватает воздуха, горняшка. Первые потери: человек вымотался настолько, что, переходя пересекающие тропу ручьи, останавливался по колено в ледяной воде и стоял без движения, как лошадь, неопределенное время. Наутро результат — простуда + температура. На высоте это не лечится, надо отправлять

Памиро-Алай. Начали поход ввосьмером, закончили вчетвером

Тянь-Шань, 1975 г. Начало горной пятерки. Гарику жарко, Виктору Петрунькину зябко

человека вниз. И не одного, а с сопровождающим. И не в больницу, а обоих домой. Группа ждать не может и должна вовремя пройти по утвержденному маршруту, иначе нас начнут искать.

Через несколько дней новое приключение: середина дня, жарко, идем след в след по крутому снежнику. Впереди Коля Фролов топчет ступени, за ним Гарик и остальные, в том числе Коля Кучинский, который вопреки указанию начальника одеть штормовки идет в плавках под тяжелым рюкзаком. По закону подлости именно он оступается и падает на склон. Тяжелый рюкзак не дает ему возможности зарубиться сразу ледорубом за склон, и он, набирая скорость, несется вниз на камни, которыми заканчивается снежник и которые останавливают нашего Колю, ободрав ему до крови руки и ноги. Высоко в горах такие ссадины не заживают. Отправляем Колю вниз. Опять не одного.

Продолжаем поход оставшейся четверкой горных аксакалов: Фролов, Ефимов, Женя Седнев и я. Впереди пара самых сложных перевалов: Дарапиоз (ЗА) и ОПТЭ (ЗБ). ОПТЭ впервые пройден еще перед войной, поэтому такое название — «общество пролетарского туризма и экскурсий».

Перевальные взлеты не проблема: пологие подъемы по снегу северного склона. Зато спуски — скальные крутые стены. Связываем две 40-метровых веревки, чтобы дотянуться до какой-либо полочки вниз.

Почему-то мне досталось не самое простое — спускаться последнему. Это означает, что я остаюсь наверху, на перевале, и всех по очереди спускаю вниз, страхуя веревкой, привязанной к грудной обвязке, а сам спускаюсь на самостраховке с надеждой на схватывающий узел, который меня удержит, если сорвусь и полечу вниз.

Перевал Дарапиоз прошли без проблем, спуск недлинный, и всё на виду — помогает грузинский метод страховки «я тэбэ вижу, значит, я тэбэ страхую». На ОПТЭ всё не так. Закрепили веревку за вбитый крюк и сбросили вниз, но склон укручается и не видно, что там внизу, где ее конец. Отправили первого вниз, его не только не видно, но и не слышно. Неизвестно, нашлась ли полочка на стенке, чтобы принять остальных. Но других вариантов нет, ушел второй, третий.

И я остался наверху один. Неуютно. Но деваться некуда. Поправил рюкзак, беседку на груди — это пара карабинов, закрепленных таким образом, что проходящая через них веревка имеет вид буквы S, что должно тормозить ее и контролировать скорость спуска. Как сейчас помню, холодок в груди, когда перешагнул уступ и пошел, вернее полетел, вниз, потому что беседку сделали небрежно и моя буква S превратилась в прямую линию. Пролетев 2–3 метра, я повис на ледяной стенке на веревке, удерживаемый схватывающим узлом. Повисев мгновение, я обнаружил, что не могу дотянуться до схватывающего узла, чтобы продернуть его и продолжить спуск. Кое-как триконями ботинок сделал зарубки в ледовой стене, привстал на них и все-таки достал и продернул схватывающий узел. Чертыхаясь и матерясь, минут через 20–30 я добрался до своих товарищей. Оказалось, что они примостились на узкой полочке и на них сверху поливает небольшой водопад. Встретили меня с облегчением, продернули вниз с верхушки перевала сдвоенную веревку и двинулись дальше вниз по леднику уже без приключений.

Палатку поставили на центральной плоской морене ледника, по которой журчали веселые ручейки. На следующий день оставалось пройти простенький скотопрогонный перевал, поэтому достали свой НЗ — твердый кусок вяленого мяса, который добыл в родной Белоруссии Коля Кучинский. Лежим в палатке, на примусе кипятится вода, чтобы сделать компот из остатков сухофруктов, дежурный пытается разрезать на куски мясо. Не тут-то было, нож ломается, на что Ефимов флегматично говорит: «Хороший бы нож не сломался, а плохого не жалко». Берет это мясо и начинает грызть. Проходит секунда, и у Гарика ломается зуб. Что ему говорят хором товарищи? «Хороший зуб бы не сломался, а плохого...» Оказалось, что на самом деле сломался вставной пластмассовый зуб. После этого опрокинули внутри палатки еще кастрюлю с компотом. Но это уже так, за компанию.

Подросли дети, и как-то сами собой суровые мужские походы в горные пятерки стали менее интересны. Началось это еще на Тянь-Шане в 1976 г. С приключениями добрались тогда в альплагерь в долине реки Каракол, примерно в 40 километрах на юг от Пржевальска. Народу собралось человек 20, самый младший — мой сын Саша (ему 2,5 года). Тогда еще была мужская пятерочная группа во главе с Колей Фроловым и детско-взрослая группа, составленная по принципу ребенок + родитель, в которой тогда были Татьяна Ефимова и Петя Ткачев.

Первую часть пути от альплагеря до озера Ала-Куль мы прошли вместе с пятерочной группой, а дальше мужики и Гарик в том числе пошли вверх, а я вместе с Татьяной и Петей пошел вниз по руслу речки, вытекающей из озера. К вечеру дошли мы до реки Каракол, примерно 5–6 километров ниже альплагеря. Нужно переправиться на другой берег, по которому идет дорога наверх к альплагерю. Нашлось место, где река разбилась на три рукава. Сначала перенес на остров свой рюкзак, вернулся за детьми. Сажая Петю на себя верхом и переносу на остров. Потом Татьяну. Так же переправились на другой остров и на другой берег. Лица ребят повеселели. Темнеет, пошел дождь. Достая полиэтиленовую накидку. Татьяна с Петей накрылись накидкой и всю дорогу до альплагеря о чем-то оживленно болтали. Я шел в задумчивости позади. Пришли уже затемно. Наши мамы — Ольга и Алла уже нервничали: идет дождь, а нас всё нет и нет. На всякий случай детям дали по ложке разведенного спирта.

Потом мы на год уехали в ГДР, а когда вернулись, то отправились в 1978 г. на Алтай опять же такой смешанной группой: сложный мужской поход и полегче детско-взрослый. Базовый лагерь организовали на берегу Кучерлинского озера в том месте, где из озера вытекает речка, впадающая в реку Катунь. Народу собралось человек 25–30, расширилась детская компания: Игорь Дрёмин с сыном Леней, Лев Булаевский с дочерью Катей и сыном Мишей по прозвищу ЧебурГен, а также Саша Тарасов с сыновьями — Сережей и Антоном. Не получается свыкнуться с мыслью, что ни Миши, ни Саши, ни Сережи уже нет с нами.

На Алтае нас не баловала погода, но когда установилась, то ребятня с примкнувшими взрослыми пошла на несколько дней в соседнее Аккемское ущелье, в котором находится одноименное озеро и из которого видна самая высокая вершина Алтая — гора Белуха. И детям, и взрослым запомнился обратный путь в базовый лагерь. Поднялись на разделяющий ущелья хребет и некоторое время шли траверсом поверху. Пора спускаться, а безопасного пути вниз нет и нет. Скоро стемнеет, и надо спускаться по пути, который есть, — по крутому обledenелому склону. Опасно, мигом прекратились ребячьи разговоры.

Но всё обошлось, шли нисходящими траверсами от одного скального островка к другому. И дети, и взрослые почувствовали облегчение, когда без приключений спустились вниз, в долину.

На следующий, 1979 г. был запланирован поход на Кавказ, подобралась большая компания взрослых и детей — всего человек 30. Никакой пятерочной группы на этот раз не было: дети, начиная с дошкольного возраста, женщины и серьезные мужики, знающие, что есть горы и как надо там ходить, тем более с таким табором. Общаясь с Гариком, попадая с ним в разные передраги, я не раз убеждался в его ощущении спокойной уверенности, которая присутствовала в его поведении. В любом походе, особенно в горах, это особенно ценно. Там дети естественным образом понимают, зачем папа и что он может. В домашних условиях вряд ли возникают такие условия и такой воспитательный эффект. Бесценный опыт подобных походов потом помогает во взрослой жизни.

Кавказ-1979. Леонид Ткачев, Сергей Федотов, Гарик с дочерью Ириной

Кавказ-1980. Переход к базовому лагерю на поляне Таймази. Гарик проводит скальные занятия с детьми

Запомнилась финишная часть того похода — переход всем табором через Главный Кавказский хребет в Грузию. Ночью перед перевалом Твибер свирепый ветер рвал палатки, не все были здоровы, и от этого был дополнительный напряг. Утром ветер стих и солнце осветило заснеженно-белый перевальный взлет. Не теряя времени, быстро собираемся и выходим. Часть взрослых идут первыми, топчут ступени, потом женщины и дети, затем замыкающая группа. Идем

серпантином, растянувшись в цепочку метров на 100–150. На перевал поднялись к полудню, высота 3700 м, для многих это личный рекорд. Гарик Ефимов, ко всеобщему изумлению, достает из своего рюкзака большую дыню, которую он втайне ото всех носил весь поход. Вкус необыкновенный.

На перевале долго не задерживаемся, кладем в тур записку и готовимся к спуску по обледенелому крутому кулуару. Навешиваем веревку и по очереди всех спускаем со страховкой на ледник. Спустить вниз более 30 человек — дело небыстрое и заняло около трех часов. Внизу ледник практически без трещин, и передовая группа сразу ушла вперед искать на леднике место для стоянки, не дожидаясь спуска всех участников. Нашли довольно ровное место, есть вода, так как рядом течет по леднику ручей. Поставили палатки, дежурные готовят последний высокогорный ужин. Взрослым выдали по три командирские ложки спирта.

На следующее утро обнаруживаем, что нет указанного на карте моста через бурный поток, вырывающийся из-под языка ледника. От моста остались висящие над ревущей водой толстые тросы. Решили переправляться по тросу. Это долго, но другого, более безопасного пути нет. Зацепившись двумя карабинами за трос, на другой берег перебралась со страховкой группа из 3–4 крепких мужиков во главе с Сашей Тарасовым. Остальных переправляли по одному таким же образом. Конечно, было страшно висеть на тросе над бешеным потоком, но безопасно. Потратили на переправу полдня и дальше пошли по тропе до травы, до заброшенных малинников и первых грузинских поселков.

1982 г. Собрались мы с Гариком на этот раз в составе стройотряда из 25–30 дубненских «студентов» Юры Харжеева на шабашку на Байкал. Цель — не столько заработать, сколько увидеть байкальскую воду и умыться ей. Юра из тех мест, и всё там, на бурятском берегу, было «схвачено». За месяц мы построили в поселке Итанца целую улицу — четыре двухквартирных брусчатых дома, — которую местное руководство решило назвать Дубненской. Еле отговорили, мало ли что — время-то было советское.

Изначально мы договорились с Гариком задержаться после шабашки — посмотреть и почувствовать Байкал. Компанию нам составили приехавшие Ольга и Ляля Тихонова. Добрались из Итанцы до Усть-Баргузина на попутке. Водитель отказался взять с нас деньги хотя бы за сожженный бензин. Такие там нравы. Дальше пошли пешком по песку у кромки воды на полуостров Святой Нос. Вернее, песок был покрыт по щиколотку выброшенными Байкалом почерневшими опилками. Вскоре догоняет нас уазик, в который берут наших дам

и рюкзаки в придачу. Оказалось, что это машина рыболовецкой артели, где нам предложили ночлег.

Наутро нам дают ведро свежевывловленного омуля в подарок, а мы в ответ — ничего. Время было горбачевского «сухого закона», и мы могли мужикам предложить только бутыл с репудином против комаров, что они восприняли с недоверием. Перешли на северную часть перешейка и к концу дня дошли до следующего места ночевки — Змеевой бухты. В том месте из земли бьет теплый источник, вокруг которого растет густая трава. Источник считается целебным, и местный народ соорудил там небольшой водоем глубиной около метра, окаймленный большими камнями, куда приплывают подлечить организм. За камнями прячутся в своих норках ужи, выглядывающие время от времени на сидящих в бассейне. Сначала это не по себе, когда из-за камня на тебя смотрят сразу три змеиные головы, которые одновременно и молниеносно исчезают после взмаха рукой. Вот откуда сказки про трехголовых змеев.

Наутро приплыла случайная моторка и перевезла нас в рыбацкий поселок Курбулик, где довольно быстро нашелся буксирный катер, который в ночь отправится на другой берег в Слюдянку и высадит нас, как нам хотелось, в бухте Песчаной, что немного южнее Ольхона, где мы намеревались провести пару дней.

Во время ночного перехода произошел забавный случай, когда я впервые увидел Гарика с растерянным выражением на лице. Вообще с помощью буксирных катеров проводят плоты леса-кругляка с северной части Байкала на юг в поселок Слюдянка, где кругляк перегружают на железнодорожные платформы. На этот раз мы тоже шли на юг, но почему-то порожняком, и капитан с командой решили ночью бросить сети, чтобы угостить нас, московских пассажиров, свежей рыбкой. Ничего в сети не попало, поэтому пожарили на газете единственного взятого из дома омуля и пригласили нас на трапезу. Гарик спал, омуль был один на всю компанию, и мы не стали его будить, но достали из его рюкзака неприкосновенный запас — 300 г спирта, как сейчас помню, в бутылке из-под кетчупа. Негоже ведь садиться за общий стол с пустыми руками. Под шум застольного разговора проснулся Гарик и спокойным голосом говорит, что есть у него кое-что подходящее к нашему столу. Лезет в свой рюкзак и что-то там шарит. Постепенно выражение его лица меняется, на нем растерянность и недоумение. И вот он лихорадочно начинает выбрасывать одну за другой вещи из рюкзака, но... нет там ничего, хоть тресни. Вид у Гарика был, как у Буратино, который открывает глаза и не видит каши пополам с малиновым вареньем. То-то было смеху, когда разобрались, что к чему.

Карпаты-1981. Гарик и наши подростковые дети

Наутро так всё и случилось, как задумали: высадили нас в бухте Песчаной. Палатки поставили на галечном пляже у самой воды, и весь день бродили, осматривая живописный берег. Ночью разгулялся восточный ветер, и нас начал заливать прибой. Впотьмах пришлось перекочевать на новое место. Как оказалось, палатки поставили прямо на тропу, о чем узнали по недовольному ворчанию перешагивающих через нас туристов на пути к воде.

На Карпаты ездили несколько раз компанией человек по 20 в зимние каникулы. Поездом с пересадками едем до станции Стрый Львовской области, а дальше 5–6 километров пешком с лыжами и прочим добром в деревню Грабовец, что у нижней станции подъемника. Как-то приехали 29 или 30 декабря — ни снежинки. Но вечером пошел снег, и к утру всё было завалено толстым слоем сухого снега. Подъемник не работал, поэтому, позавтракав, пошли топтать ближайший склон, чтобы установить придуманную Лялей Тихоновой специальную трассу под названием Э-хэ-хэ, на которой можно соревноваться и детям, и взрослым на равных.

Течет время, дети выросли, изменилась наша страна, уже много лет, как прекратились наши летние и зимние походы в дальние края. Осталась память о них, о незабываемых горах и наших походах, об ушедших товарищах, с которыми не страшно пойти в разведку.